

Прекрасное мгновение можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками.

Тише. Звучит песня.

Будто кусок твоей души был, как звук, как нота, оторван от нее и плавал где-то в неведомом пространстве. И вот сейчас, в эту секунду ты обрел его.

Прекрасное мгновение можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками.

Тише. Звучит песня.

Последняя нота угасла. Пауза, как шок... И — нет даже шороха аплодисментов. Потому что зал пуст — репетиция.

Зыкина сходит со сцены и садится в глубокое кресло. Перерыв.

— Так редко бывает на свете, что полезное в то же время и совершенно по красоте... Людмила Георгиевна, Вы пели сейчас о матери, о хлебе, о родном крае... Вы пели о своем детстве? Вы пели и «видели» свою маму Екатерину Васильевну, воскресный пирог бабушки Василисы, ключ из-под земли в ста шагах от Вашего дома?

— Да. Работало сердце. Работала память. Без этого нет и не может быть творчества.

— Людмила Георгиевна, два года назад в издательстве «Советская Россия» вышла в свет Ваша книга «Путь к песне». Очевидно, многие поклонники Вашего искусства прочли эту книгу. Поэтому читателям «Рябинки» хотелось бы поговорить с Вами не как с артисткой, а как с человеком, женщиной, прожившей яркую, интересную жизнь...

— Я не против такого разговора. Но... Не совсем согласна с Вашей позицией: Вы открываете «артистку» от «человека», «женщину» от «человека»?.. Я — женщина, артистка, человек — личность. В одном лице. Без одного невозможно другое. Я пою — это мой труд. Труд — критерий личности. В любом смысле труд является единственно объективной и реальной мерой...

— Вы меня убедили... Трудиться я знаю, Вы начали рано...

— В начале войны. Отец ушел на фронт. Иждивенческой карточки нам не хватало. Мама работала санитаркой в госпитале. Я поступила на станкостроительный — ученицей токаря. В отделе кадров прибавила себе два года — иначе бы не взяли.

Помню: бледное утро, заводской гудок, смена. Гроздья спелок на Донской, Люсиновке, Шаболовке... Мой родной Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе. Ветхий станок в углу цеха. Чтобы дотянуться до станка — подставила скамеечку. Работать было интересно, но... все время хотелось спать. Однажды, чтобы не заснуть, запустила и соседний станок — бегала от одного к другому. По очереди. Перевыполнила норму — мне вручили четыре красных флажка как ударнице... Присвоили пятый производственный разряд.

Сейчас, объездив полсвета, прихожу на свой завод по самой искренней душевной потребности...

Вообще, к слову, считаю важным стараться жить по душевной потребности. И — воспитывать в себе эти потребности.

— Жить по душевной потребности, значит, — «жить правильно», поступать правильно?

— Не совсем так. Скорее: поступать правильно, «жить правильно» надо по душевной потребности, по внутреннему убеждению, по велению совести. Человек на самом деле не то, что он сам думает о себе или говорит, а то, как проявляет он себя в поступках, в действиях.

— «Попробуй исполнить свой долг — и тотчас себя познаешь»?

— Прав Гете.

— Людмила Георгиевна, потом Вы были швеей...

— В конце 1943-го года в Москву привезли раненого отца. Отец увидел меня — худую, голодную, вздохнул и пошел с просьбой к знакомому директору хлебозавода. На хлебозаводе работала три недели — сбегала. Пошла в пошивочную мастерскую. Шили для солдат. Я предложила соревноваться — кто больше сделает...

— И Вас наградили грамотой ЦК комсомола... Людмила Георгиевна, в Вас, как в личности, очень силен (если так можно выразиться) соревновательный момент. Быть первой! Судя по Вашей книге — это у Вас с детства. Я напомним: Вы на равных с мальчишками мечтали о подвигах летицы. Даже хотели стать летицей, поступить в аэроклуб. На зависть сверстникам целых пять раз прыгали с парашютом с вышки и с аэростата. Носили значок ГТО первой ступени...

Потом выиграли свой первый в жизни крупный конкурс — конкурс в хор Пятницкого: из четырех тысяч приняли Вас. — И еще трех парней.

— Пуст — еще трех. Четырех — из четырех тысяч!

— Тогда я прибежала домой. Сognувшись, над корытом стояла мама. Восторженно говорила с порога: «Мама! Я теперь артистка». Мать вытерла руки о пол, сощурилась: «Неужто, Люда, это специальность? Разве что потеха, развлечение».

Надо было делать выбор — в чем-то мать была права.

— «Поступать правильно по внутреннему убеждению»... — я Вас цитирую...

— В том-то и дело. Надо набраться мужества однажды спросить себя, нужна ли ты искусству? Не нужно ли ты искусству? И сделать выбор. Я сделала...

...Шло время — и пела я, и запевала, и за границу успела с хором съездить...

— Выбор был сделан — Вы

стали артисткой хора Пятницкого. Потом... Потом было несчастье, которое могло очень многое переменить в Вашей судьбе...

— В 1949 году умерла мама — от нервного потрясения у меня пропал голос. Я не могла даже громко говорить. Я решила тогда, что никакой артистки из меня не выйдет. Надо уходить. Надо уметь набраться мужества признаться себе в этом...

Требовательность к себе, и, значит, к делу, которому ты служишь. Ответственность перед своим долгом. Приведу пример из жизни.

Песню композитора Птичкина на слова Шаферана «Ромашки спрятались» — помните? Писалась она для нашей замечательной драматической актрисы Нины Афанасьевны Сазоновой, игравшей главную роль в телефильме «Моя ули-

В гостях у «Рябинки»

Людмила ЗЫКИНА, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии

ЛЮДИ И РОЛИ

— Почему — уйти? Вы могли остаться в хоре. Ну, пусть не солистка, но...

— Если петь в хоре — так запевать. А нет — лучше уйти. Я ушла. Это, поверьте, был тоже не легкий выбор. Я была молодой, здоровой, как говорится, тряпка не вываливалась у меня из рук. У меня была специальность портнихи, закройщицы. В любом деле можно «петь сольную партию». Хотя, зачем «лукавить», было трудно проститься со сценой. Горько было смотреть в глаза подругам, ведь для них с того самого момента, когда я в зале Чайковского выиграла конкурс в хор Пятницкого, с того самого момента я была уже человеком из другой жизни — праздничной, яркой, шумной. Теперь надо было им сказать: «Не получилось из меня артистки...»

А я хотела не только петь. Я хотела очень хорошо петь.

Человек создает себя. Человек обязан быть тем, кем он может быть. Человек обязан перед собой, перед другими реализовать в себе то, что заложено в нем природой. У молодого человека обязательно должна быть тяга к максимальной самореализации. Иначе он обманывает и себя, и тех, кто его окружает.

Ко мне вернулся голос. Я стала солисткой, лауреатом нескольких конкурсов...

— Точнее, — многих конкурсов. И народной артисткой СССР, и лауреатом Ленинской премии...

Это — признание народа. Высшее признание для кого угодно. Но за все это время вместе с формированием эстетических вкусов, личности певца, шло формирование гражданственности. От чего бы Вы, Людмила Георгиевна, прожили такую яркую, отнюдь не безоблачную жизнь, могли бы предостеречь нас, молодых?

— От нечестности перед самим собой. От нечестности перед каждым часом, каждым днем своей жизни. В противном случае это неуважение к каждому своему дню и часу, а значит, и к себе, и к людям этого «дня и часа». От наивной убежденности, что «вчера» и «завтра» заманчивее «сегодня».

Молодой человек должен учиться отбирать зерна добра благодарности из обыденности. Это, понимаю, кропотливое занятие.

В наше время у молодежи (да и не только у нее) должно быть постоянное стремление к самосовершенствованию, к самообразованию. В этом — величайшая ценность.

Без всякого музыкального сопровождения Н. Сазонова в фильме не поет, а как бы «рассказывает» эту песню своему мужу. В песне — выход напряженности. Конфликт.

После показа этого фильма по телевидению на песню набросилось несколько эстрадных певцов. Из интимной, глубоко личной песни-исповеди сделали самый что ни на есть «махровый» шлягер, из которого, как зубную пасту из тюбика, стали выдавливать жестокий сентимент. Мне довелось видеть, как начинающая певица для иллюстрации страстей выходила на эстраду в мужском пиджаке и, допев до строчки:

Сняла решительно пиджак
наброшенный,
Казаться гордою хватило сил...

пыльно сбросила с плеч предмет реквизита и швырнула его в оркестр.

Нетребовательность к себе порождает пошлость. Нетребовательность к себе плодит низкопробные стихи, музыку, песни... Нетребовательная к себе швея «стряпает» уродливую одежду, плотник — «хромые» стулья... Простите, что вынуждена повторять истину.

— Людмила Георгиевна, в Вашем репертуаре много песен о русской женщине. Это, видимо, не случайно?

— Это не случайно уже потому, что я сама женщина. Ну, а если серьезно... Тема судьбы русской женщины красной нитью проходит через мое творчество. Тема эта родилась десять лет назад после того, как, вспоминая около семисот песен, с которыми я выступала на радио и на эстраде, я «обнаружила», что в подавляющем большинстве они посвящены русской женщине. Труд, быт, свадьбы, война показаны через переживания женщины... А, впрочем, чем удивляться? Ведь авторы подавляющего числа песен — мужчины!

— Людмила Георгиевна, талант — это...

— Талант певицы — дар природы. Но не это важно. Главное — иметь талант человека. Это — талант талантов. Можно вспомнить Анчарова: «Человек стоит ровно столько, сколько он может отдать добровольно».

Беседу вел С. РЫКОВ.

Снимок В. Долганина.